Культура. – 1996. – 3 авг. – С. 13

Огонь, вода и медные трубы Марии Гулегиной

НЕЖДАННАЯ ВСТРЕЧА

Она одна тянула холодного, неповоротливого "Набукко" в мир живых. Одна в окружении картонных фигур веронского спектакля рисовала образ – царевну-воина с мужским широким шагом, жесткую и несчастную. Это была Гулегина. Одна из самых заметных русских "звезд" на оперном небосклоне. "Там" ее слушают. Здесь – вспоминают. Вспоминают удивительный голос (что звучал в Москве последний раз шесть лет назад), горячо ожидаемый, но несостоявшийся визит на "Певческие биеннале", чья-то память воспроизведет и эпизоды, живописующие трудный характер певицы, и, может быть, это будут эпизоды ее борьбы в Белорусском оперном театре за то, что она считала творчеством. Тогда Гулегина проиграла – на противостоящем конце была сила системы, помноженная на живучесть традиции. И бежала. Бежала в свое мировое "турне", которое длится уже восемь лет. ...Мы сидим в отеле, откуда через 40 минут она уедет в Милан. За эти минуты нам предстоит прокрутить "ленту", на которой несколько скрытых от отечественной публики лет ее жизни. Какие "кадры" успеем разглядеть и какую Гулегину обнаружим на них? Но – время!

– Мария, вы впервые приняли участие в знаменитом фестивале "Арена ди Верона". Каково петь в гигантском открытом амфитеатре?

– Трудность была в самом факте первого выхода на эту сцену. До спектакля я ни разу не открыла здесь рот, хотя обычно в новом для себя театре за два часа пробую спеть на сцене гамму или кусочек арии, чтобы "познакомиться" с акустикой. А тут я прилетела накануне, успела только порепетировать в зале и посмотреть генеральную с другой Абигайль.

– Вы уже пели эту партию?

– Первый раз в Париже, второй – в Милане, третий – здесь.

– Судя по этой, третьей Абигайль, вы в отличной вокальной форме. Что за этим стоит – адский труд, счастливая природа, какие-то только ваши секреты?

– Раньше я страдала, боялась – будет голос или не будет? Теперь знаю: хорошенько поспать, поесть – и будет! Здесь многое от головы идет. И от физической формы, конечно, тоже. Я бегаю. Беру уроки конного спорта (обожаю лошадей!). Обливаться холодной водой начала – этому меня Лена Заремба научила. Однажды в Германии я увидела, как они с мужем входят в озеро, покрытое льдом. Так я тут же начала снимать сапоги – а за компанию я могу в огонь и в воду, – вошла по колено, и ничего, не умерла. Потом у нас на веранде мы все вместе стали обливаться холодной водой, а в марте уже купались в Балтийском море... Что же касается секретов, то главный – голос не должен быть ни громким, ни тихим, в голосе должна быть энергия.

– Редкий певец, даже имеющий отличную голову на плечах, способен держать вокальную форму без "уха со стороны". У вас есть такой контролер?

– Есть. Муж. Когда-то мы вместе пели в Белорусской опере и теперь работаем вместе, он мой "тренер". Но, кстати, существует еще один хороший способ контролировать себя: каждый мой спектакль мы записываем, и если я не прослушаю пленки в ту же ночь, не засну. Это уже вошло в привычку.

– Любите ли вы делать студийные записи? И вообще – как складываются ваши отношения со звукозаписывающими фирмами, которые, как известно, на Западе являются великим двигателем карьер?

– Что касается любви к записям, то это – как касторка, которую надо заглотнуть. Сейчас у меня четыре CD, три (с "Филипс" и "Дойче граммафон") в работе, еще два запланировано на 97-й год. Но когда я начинала, за мной не стоял никто. Мне надо было всего добиваться самой. Конечно, что-то типа обиды было – не успеет какая-нибудь девочка раскрыть рот, как ее тут же подхватывают, раскручивают, приклеивают ярлык – "звезда". А потом смотрю – куда же большинство из этих "звезд" делось? И сейчас я знаю: надо просто спокойно работать, не рваться изо всех сил вперед, не завидовать.

– Есть сопрано вашего поколения, которым вы восхищаетесь?

– Я вообще не очень люблю сопрановый оттенок голоса, может быть, потому, что сама мечтала быть меццо и даже на педпрактику в консерватории поступала как контральто. Но после рождения дочери голос вдруг пошел вверх – в общем, из генералов разжаловали в рядовые...

– Что в своей жизни вы ставите на первое место?

– Важнее детей, семьи нет ничего.

– То есть, случись вам выбирать – семья или карьера, вы выберете первое?

– Думаю, перед таким выбором я не встану. Самое трудное – вырастить дочь, находясь в постоянных разъездах, – мы с мужем уже пережили. Теперь она взрослая, учится в Швейцарии. А я, между прочим, хочу еще одного ребенка, и дочь мне говорит: "Мама, ты так много для меня сделала, теперь я буду его воспитывать". Так что вместо того, чтобы бросать карьеру, лучше заработать деньги на хорошую бэби-ситтер.

– За что вам приходится сегодня воевать чаще всего?

– За свой персонаж. С режиссерами. И чаще всего я побеждаю. Так было в недавнем римском "Макбете", в токийском "Трубадуре", так было в Вене на постановке "Пиковой дамы", когда молодая ассистентка объясняла мне, как я должна ерзать по Герману, поющему в это время "Прости, небесное созданье", а потом лечь – "Ай эм рэди". Я превратить Лизу в проститутку не дала... Всегда делаю так, как хочу; как чувствую, но это не каприз. Я очень ревностно отношусь к своему персонажу. Не люблю фальши, а для меня это чужие жесты, чужая походка, не те, которые видятся мне. Есть же письма, авторские ремарки, есть масса материалов, которые я читала. Не очень-то хочется выглядеть на сцене глупо, публика ведь скажет, что не режиссер дурак, а Гулегина.

– Что еще стоит в вашем ряду из "не люблю"?

– Не люблю, когда меня сравнивают. Даже с Тебальди или Каллас. Тем более не люблю, когда этим щеголяют другие. Хочу быть сама собой. Вот достали жемчужину со дна, пусть она несовершенная, пусть "горбатая", но она такая одна.

– Наверняка на вашем пути, как, впрочем, и на пути любого человека, было предостаточно шипов. Какая "колючая" история из вашего зарубежного опыта самая незабываемая?

– Наверное, это инцидент с Маазелем в "Ла Скала", когда я не приехала к нему за шесть месяцев до премьеры "Манон Леско" на репетиции. Но не приехала, во-первых, потому, что еще не знала партии, а во-вторых, мой гастрольный план в тот момент был очень плотно расписан. Так когда я появилась, он стал меня просто третировать: "Гулегина не может петь". Очень неприятно. Мне говорят: "Ничего не поделаешь, надо уезжать". "Вы как хотите, – отвечаю, – а я буду петь". И спела. Последний спектакль, с другим дирижером и почти без репетиций, хотя Манон была для меня абсолютно новой партией. Так мне за каждую арию кричали "браво". Но тогда я должна была доказать. А сейчас мне все равно. Не хочет дирижер со мной работать – не надо!

– Вы производите впечатление очень уверенного в себе человека...

– Лишь бы не самоуверенного. Я стараюсь, чтобы меня не заносило – ни вверх, ни в сторону. Люблю порядок, люблю, когда "все нормально".

– Что для вас как для певицы сегодня нормально?

– Петь в театрах первой категории, и не просто петь, а открывать сезон. Видеть, как театры хотят тебя перехватить друг у друга. Чувствовать, что тебе доверяют настолько, что приглашают петь спектакль, вот, как в Вероне, без генеральной репетиции. Что еще? Иметь силы сказать "нет".

– На предложение спеть какие партии вы отвечали или уверены, что ответите, этим "нет"?

– Турандот, Минни из "Девушки с Запада", Сантуцца, хотя последнюю я пела в прошлом сезоне в "Метрополитен" и еще должна буду петь в предстоящем турне театра. Но это – все. В "Ковент-Гарден" от Сантуццы уже отказалась. Мне ближе романтическая опера. Мечтаю о "Фаворитке", "Лючии ди Ламмермур", где можно поиграть звуком, где есть беззащитность характеров. Хорошо себя чувствую в вердиевском репертуаре – ни вверх, ни вниз идти нетрудно. Спела "Бал-маскарад", "Двое Фоскари", "Эрнани", "Набукко", "Аттилу", только что в Японии – "Трубадура", которого обычно кастрируют до неузнаваемости, а я пела все, даже вставила четыре ре бемоля (люблю похулиганить и выдать какую-нибудь запредельную ноту). Теперь вот с ума схожу от Леди Макбет. Потрясающая партия! Буду петь ее в ближайших три года в "Ковент-Гарден", "Бастиль", "Ла Скала"... Не хочу быть всеядной – так можно и подавиться. Между тем, в том же Верди или Пуччини, Джордано еще столько предстоит открыть!

– А вас не привлекает камерное исполнительство?

– Ну почему, просто я не придавала этому значения. Чтобы сделать здесь карьеру, нужно много петь в театрах. Но в 1990 году у меня был сольный концерт в "Ла Скала" – Чайковский, Рахманинов. И если бы я взялась готовить новую программу, знаете, кого бы я выбрала? Гурилева, Варламова – какая в них чистота! И нежного Алябьева... О-о-о, такси. Пора ехать.

– Так когда вас ждать в России?

– Не знаю. Но – до свидания!

Беседу вела
Лариса ДОЛГАЧЕВА